

Ж.Т.Ермекова

Российский университет дружбы народов, Россия, Москва

Синергетический феномен формирования образов в сознании билингва

Статья посвящена вопросу формирования образов в сознании билингвальной личности. Образ формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями, интуицией. Предложена гипотеза о синергетической природе языкового сознания билингва. В языковой среде поликультурного общения билингв — интеллектуальный продукт более высокого уровня развития культуры Казахстана. Сделана попытка определить, действует ли закон общности больших парадигм и идентичности малых парадигм художественно-поэтических образов в различных культурах.

Ключевые слова: билингвальная личность, синергетика, языковое сознание, образ, парадигма, феномен билингвизма.

Художественный билингвизм получил широкое распространение в период существования семидесятилетней «культурной общности, объединенной на основе русского языка», когда стало происходить сближение культур русской и национальной, что способствовало возникновению «необычной», младописьменной литературы [1; 47].

Если использовать широкое понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей общества, народа, то можно говорить о том, что в тексте билингва происходит диалог культур, выходящий за границы простого сравнения, взаимодействия, сопоставления, механического соотнесения одной культуры с другой. Своеобразная общность проблем в литературном процессе объединяет русских писателей, живущих в Казахстане, и писателей коренной национальности, пишущих на русском языке. И если перед первыми поставлена цель «претворения инонационального жизненного материала на русский язык, то перед вторыми, может быть, еще более сложная задача воплощения своей национальной «психологии» на ином (русском) языке» [2; 265].

Национальная культура воплощается в художественной литературе через призму другого семиотического мира (русскую культуру). Безусловно, особый интерес в этом отношении вызывает творчество писателей инонациональной (нерусской) культуры, пишущих на русском языке, которых научное сообщество уже по традиции объединило в одну типологическую общность под названием «русскоязычные писатели-билингвы».

Описывая окружающую действительность объективного мира казахского народа, русскоязычный автор широко вводит в языковую ткань произведений различные единицы, передающие не только генетически родные для него реалии, связанные с особенностями образа жизни конно-кочевой цивилизации в далеком прошлом, спецификой быта и культуры, своеобразием природно-географического местоположения и структурой этноса, но и его национальный менталитет, национальное сознание. «Тут налицо взаимодействие двух языковых стихий, двух итоговых результатов процесса осмысления действительности, выраженных средствами русского языка» [1; 111]. По словам Ч.Т.Айтматова, творчество билингвов базируется на двух началах: «собственной национальной традиции и традиции русской культуры <...> два потока, два русла соединяются вместе: процесс сложный, многообразный, богатый, несомненно, способствующий кристаллизации нового типа писателя» [1; 147].

Таким образом, феномен билингвизма проявляется прежде всего в том, что на основе взаимодействия двух языков и культур создается оригинальное творчество. Возникновение поли- и бикультурных индивидов, которые не деградируют к стандартному для замкнутых систем усреднению, а развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейной способности мышления, появления свежих идей, позволяет говорить о синергетической природе рождения творческих билингвальных личностей. **Синергетика** (от **др.-греч.** συν- — приставка со значением совместности и ἔργον — «деятельность») — междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем. Закон синергетики работает бессознательно, но им можно и руководить.

Сознание представляет собой один из самых сложных феноменов, поскольку его формирование, становление, развитие и исследование происходят в единственно возможных условиях существова-

ния — в языковой среде вербального общения. В языковой среде поликультурного общения билингв — интеллектуальный продукт более высокого уровня развития культуры Казахстана. Поэтому язык — это ключ к решению проблемы, который может открыть дверь в сферу неизведанных тайн сознания. Общеизвестно, что язык является организующим фактором мыслительной речевой деятельности личности, формирующим интеллект, выражающим накопленные знания и опыт и осуществляющим систематизацию в соответствии с уровнем развития и культуры этой личности.

Если в последней четверти XX в. ученые между «сознанием вообще» и языковым сознанием ставили знак равенства, а М.М.Бахтин считал, что сознание не может быть языковым и что неязыкового сознания не существует [цит. по: Евсеева: 3; 27], то сейчас Е.Ф.Тарасов не просто разграничивает сознание и языковое сознание, а определяет языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. А главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание» [4; 26].

Итак, человеческое сознание осуществляется на универсальном предметном коде. И.А.Стернин определяет языковое сознание как «совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, т.е. психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [5; 144]. В этом определении подчеркивается связь сознания и деятельности, процессуальности, а не статичности сознания, и взаимосвязь психических механизмов порождения речи, ее понимания и хранения языковых структур в сознании.

Е.Ф.Тарасов дает более развернутое понимание термина «языковое сознание»: «это понятие нацелено, в первую очередь, на схватывание, описание и анализ содержательной стороны речевых процессов в контексте неречевой деятельности коммуникантов. При помощи речевых сообщений общающиеся управляют коммуникативным и посткоммуникативным поведением друг друга, поэтому содержание этих сообщений соотносимо (обусловлено) с их целями и мотивами» [4; 27]. С одной стороны, термин «языковое сознание» используется Е.Ф.Тарасовым «для анализа образов (языкового) сознания, ассоциированных с языковыми знаками и потому вовлекаемых в производство и восприятие речи, а с другой стороны, это понятие указывает на образы сознания, в качестве инструмента анализа знаний, ассоциированных с телами языковых знаков» [4; 28]. Автор проводит параллели между знаниями, ассоциированными с телами языковых знаков и структурой сознания, в его представлении такие знания «полностью не схватываются значением: например, содержание любого высказывания включает в себя представление о чувственной ткани предметов, обозначенных языковыми единицами (чувственная ткань образного сознания — совокупность перцептивных данных, полученных от органов чувств человека и хранящихся в его памяти), а также знания об отношении высказывания к мотивам деятельности говорящего (это психологический смысл высказывания для говорящего) и к мотивам деятельности слушающего (это психологический смысл высказывания для слушающего)» [4; 28].

Интересно, что Е.Ф.Тарасов в более поздней работе приводит описание образов сознания, причем понимание термина «языковое сознание» сближается с определением И.А.Стернина: «совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира» [4; 29].

Н.В.Уфимцева, так же как и В.Ф.Тарасов, рассматривает языковое сознание как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры» [6; 162].

В понимании Т.Н.Ушаковой языковое сознание имеет широкое референтное поле, исследователь также отмечает его динамическую природу, точнее, динамическую разновидность языкового сознания как вербальное овнешнение сознания и воздействие на него с помощью речи, но, кроме того, выделяет структурную его разновидность, которая образована языковыми структурами, формирующимися в процессе деятельности, работы сознания [7; 162].

Ученые признают, что термин «языковое сознание» остается во многом неопределенным, либо всеохватываемым, либо немотивированно редуцированным, в связи с чем А.А.Залевская предпринимает попытку «эксплицировать различия между тем, что составляет фундамент языкового сознания, и тем, что фактически характеризует описательную модель языка, трактуемого как самодостаточная система» [8; 43]. И.А.Стернин отмечает, что существует несколько уровней описания языкового сознания, выбор конкретного уровня описания зависит от общей парадигмы исследования и от целей, которые исследователь планирует достичь в результате. Уровень традиционного лингвистического описания языкового сознания предполагает «обобщенное описание значений и употребление языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания» [5; 145].

В условиях, когда отсутствует социокультурная языковая среда, вряд ли можно говорить о формировании языкового сознания. Что же служит основой билингу для восприятия новых смыслов и контекстов картины мира изучаемого языка? По всей видимости, сформированное языковое сознание на родном языке. Видение окружающего мира меняется с включением в его контекст новых смыслов, разрушающих привычную в рамках родного языка картину мира, происходят качественные изменения в языковом сознании. Как член общества индивид в процессе социализации усваивает некоторые ментальные осознаваемые и неосознаваемые установки. Полагаем, что «языковое сознание» влияет на национально-культурное восприятие и пронизывает весь пласт языковых приобретений — от лексико-грамматического до социально-культурного уровней.

«Невозможность создать национальный образ одной культуры на языке другой культуры без изменений смысловой схемы типовых высказываний рождает художественный текст с новыми качествами <...> такой текст является особым видом психической ментальной деятельности со своими нормами и технологией создания и передачи» [1; 111]. Такую речемыслительную деятельность можно проследить на примере романа «Сны окаянных» творческой билингвальной личности А.Жаксылыкова [9], где в сложном религиозно-философском отношении к жизни и смерти, быстротечности времени и бессмертию, беспредельности времени и пространства выражается национально-авторская специфика языка произведения. Аслан Жамелевич Жаксылыков — человек разносторонней эрудиции, он мыслит и пишет образно-понятийными свертками, намного опережая науку своего времени. Метафоричность высказывания содержит скрытые цитатные опоры на сотни исследований из самых различных областей знания. Автор понимает, что жизнь дана, чтобы человек, «расправив крылья своего духа», познал необъятность и глубину бытия, самого себя и окружающий мир. Он сожалеет, что многим людям и даже целым народам не удастся этого сделать. «Взоры заблудившихся больше обращены в сторону внешнего, наполненного преходящими искушениями и муками, и очень редко устремляются в мир внутренний ...» [10; 3]. Научиться помогать друг другу, вместе идти к существованию, со-дружеству, со-бытийности в движении к счастью, просветлению — самая главная идея его романов.

Настоящая статья посвящена изучению образов сознания бикультурной личности. Автор романа, описывая состояние героя в полузабытии, бреде, полусне, текст выделяет курсивом и намеренно предоставляет читателю без знаков препинания. Видимо, этим писатель хотел особо обратить внимание читателя на внутреннее состояние героя, на всю картину пережитого, воспоминания о прошлом, ассоциации, перемежающиеся с сегодняшним днем, связанные образами — невидимыми нитями (образ камня, луга, платья, слова).

Вслед за Н.В.Павловичем, обнаружившим, что в художественно-поэтических образах, созданных русскими классиками последних трех веков, кроме уникального, есть нечто удивительное, объединяющее, мы пришли к выводу, что «каждый поэтический образ существует не сам по себе». Ученый задается вопросами: «Действительно, почему, несмотря на всю индивидуальность образных текстов, мы их все же понимаем?» [11; 15].

Ассоциативная организация связей репрезентирует модель хранения знаний в памяти человека. Ученый делает предположение о том, что в глубинном смысле сходных образов реализуется некий закон, правило, или, как он называет, парадигма, а потому существует все-таки единое культурное пространство. «Найти парадигму, определить инварианты левого (что отождествляется) и правого (с чем происходит сравнение) членов, то есть описать соответствующие лексические ряды, указать свойства парадигмы (насколько она продуктивна и устойчива), а главное — понять ее место в ряду других парадигм — значит описать маленький семантический закон, действующий в языке», — считает Н.В.Павлович [11; 15].

В рамках этой статьи мы намереваемся определить, действует ли этот закон в инациональной литературе. Данные, полученные в результате анализа романа А.Жаксылыкова, позволяют согласиться с утверждением Н.В.Павловича: чем больше членов парадигмы, тем глубже понимание образа. Существуют разные типы парадигм (имен, действий, ситуаций и смешанные). Наиболее продуктивными являются именные парадигмы. Именные парадигмы образов, созданные русскими классиками последних трех веков, перекликаются с образами, созданными казахским писателем. В сознании русских творцов слова активно возникали образы: *свет — орган, существо, орудие, драгоценное, ткань; свет — вода — вещество; вода — существо; растение — орган, существо, ткань.*

Интересно было отметить, что фактически подобные образы создаются и казахским писателем, только в специфическом обрамлении, своеобразным лексическим рядом. И, естественно, наблюдает-

ся значительное отличие в продуктивности создаваемых образов. Очевидно, образы, созданные А.Жаксылыковым, в настоящее время более актуальны, характерны именно для данного этапа истории, для данного этноса, но, надо заметить, они понятны русскому читателю, поскольку подобные парадигмы встречались в его родной литературе. Рассмотрим их.

1. Самыми продуктивными являются следующие большие парадигмы имен: «человек — существо», причем понятие «существо» включает в себя понятия «животное, птица, насекомое, мифическое существо». Например, «человек — животное»: *«Вдохновенные псы, ишачьи, бычьи и лошадиные морды пылали в огне азартной вакханалии... змеями изгибались руки и ноги...»*; *«Мы — потомки хищников, привыкших упорно преследовать добычу, ... закипая яростью и азартом погони»*; *«Паренек повернулся ко мне... и что-то дружески промычал»*, *«Полулюди, больше мусорные крысы, они грызли за каждый лишний глоток браги...»*, *«Я иногда вставал на дыбы, артачился»*, *«В неистовой злобе я бесновался, рычал и скалился, взметал когтями пыль...»*; *«Какое-то животное мычание вперемежку со стонами то и дело вырывалось из меня»*; «человек — птица»: *«я боялся что ...превращусь в маленькую жалобную птичку»*, *«... я до рождения был махонькой птичкой Облачной птичкой Я порхал летал ...»*; *«В этом расслоенном полете сквозь время я был и самим благородством, и воплощенной подлостью...»*, *«Это она, неукротимая природная сила, заставляла их играть в честность и невинность, выступать с сомнабулической отрешенностью павлина, ...танцевать вальс среди страусиных трав..., щebetать и шептать...»*, *«Курица поклонилась, кокетливо повела крылом и нежно прокудахтала... Я жеманно поклонился и пошел бочком петухом...»*; «человек — насекомое»: *«Вы бессмертны, как микроорганизмы, надындивидуальные существа, насекомые, неутомимые, роющиеся, вьющиеся ...»*; *«Будь как бабочки ...»*, *«Давить таких надо... Это не человек даже, таракан какой-то»*; *«Они (существа) ползли, крались, скрадывали следы, перепархивали... имитировали голоса друзей и близких, подделывали запахи и терпкие ароматы любви, ... и все для того, чтобы, одурачив, околпачив добычу, слету, с маху наброситься, цапнуть, впиться, запустить истекающие стоном клыки и когти, впустить распаленное адское жало и сделать, превратить укол, удар, укус жажды в мягкий послушный трепет отдающейся плоти»*.

Высокой продуктивностью отличается и парадигма «предмет — существо»: *«... она (бритва) окажется в пальцах, тончайшее стальное жало»*, *«Словно огромный злой бессонный шмель жужжал камень в поле ...садился на цветы молчаливые одинокие обиженные»*, *«В это время камень запущенный рукой Уку нашел мой затылок»*, *«...стог поднимается в мрачный ночной полет на неисчислимых крыльях шороха шелеста шуршания»*, *«Он (замок на сундуке) висел ... и всем своим видом показывал, что ему неприятны мои просьбы»*, *«Лохматый великан-сарай надвинулся»*.

Очень узнаваемый русскому читателю образ «ментальное (душа, состояние) — огонь»: *«Картины (воображение), невыносимые, огнем обжигающие душу... На тех кольцах сгорела и обуглилась моя душа»*, *«Китаец был в таком накале ...»*; *«Апа, родненькая, не трогайте желтое огневое платье»*, *«... на сердце легкий огонек счастья»*.

2. Самыми частотными понятиями — левыми элементами (темами образов) в сознании русских авторов художественного слова являются понятия «свет», «орган», «существо», «ментальное», в сознании казаха-билингва — «время», «существо», «орган», «ментальное», «слово». Как видим, у представителей разных культур наблюдается значительно больше общего. Так, категория «время» у А.Жаксылыкова рождает богатство ассоциаций: «время — пространство»: *«Близок мой час, быстрый и темный, как падающая бездна»*; «время — предмет-вещество»: *«... сознание безнадежно заблудилось в пыли времени...»*; «время — существо»: *«Я не знал, что всесильное Время поднялось надо мной вздыбленным зверем»*, *«...будильника, который напоминает мне о беге времени ...»*; «время — огонь»: *«Эта комната объята невидимым пожаром Времени Ты не замечаешь ... быстрых языков пламени, пробегающих снизу вверх и сверху вниз, долгих неугасимых огоньков»*; «ночь — существо»: *«Грозно зевнула ночь в лицо напуганному малышу...»*, *«Та ночь до сих пор призраком стоит у меня за спиной и обдает затылок ледяным мерклым дыханием»*, *«Под лунной лохматой густой ночью собачка одиноко лает»*, *«Повелитель ночи творец теней, властный дирижер симфонического оркестра сверчков он колдует, заклинает, распространяя запахи, аромат дурмана, белены, поганок»*, *«Фиолетовая ночь поплыла навстречу, обдавая дыханием, как корова»*; «ночь — огонь»: *«Потрясенный, я хохотал и рыдал над пылающей образами ночью»*, *«Ночь ... кружила вокруг меня призрачным огнем моего бреда»*, *«Я люблю твоё дыхание когда оно ... лунной кизячной ночью»* (кизяк — коровий навоз, служащий огнивом); «ночь — растение»: *«Ночь летит в шорохах, словно огромное перекасти-поле»*; «ночь — вода»: *«Черной искристой рекой текла ночь»*; «вечер — существо, расте-

ние (хлеб)»: «Я люблю **мычание, сопение и молочное** звенкание дымного **тандырного вечера**».

Особо хочется обратить внимание на порой неожиданные авторские ассоциации, которые вызывает у него «слово». Слова у А.Жаксылыкова и *псы, и камни, и зерна, они бывают белые, облачные, мохнатые, чешуйчатые, миштые, мохнатые, остервенелые, обазренные, они и вспыхивают, и прожигают, и лают, и мычат, и падают, звучат, звенят, шелестят, срываются, стегают.*

3. Самыми частотными понятиями — правыми элементами (с которыми происходит сравнение) в русском художественно-поэтическом сознании, по данным Н.В.Павловича, являются *существо, орган, свет, орудие*, у билингва — *существо, плод, вода, растение, огонь*.

Все это позволяет сделать предположение о том, как организовано образное пространство языка. Существует конечное множество понятий, выполняющих функции левых и правых членов образных парадигм — и это есть алфавит языка образов. Эти понятия регулярны и повторяются в разных парадигмах. Приведем пример понятий — элементов больших именных парадигм: Существо (человек) — Животное (пес, ишак, бык, лошадь, крыса, корова, змея), Птица (павлин, страус, курица), Насекомое (бабочка, таракан, пчела), Плод (фасоль, дыня, арбуз), Вода (поток, ручей, волна, снежинка), Ткань (платье), Растение (мухомор, поганка, мох, стебелек); Орган: Лицо — Животное (черепаха, змея, паутина, ящерица), Пространство (потресканная земля), Стихия (дождевое); Глаза (взгляд) — Огонь, Пуля, Свет, Время года, Жидкость, Ментальное (холод); Сердце — Рыбка; Спина — Гора; Ноги (коленки) — Пружины, Заросли, Яблоки-антоновки, Змеи; Голова — Сосуд; Грудь — Луна; Душа — Птица (орел), Насекомое (бабочка); Ментальное (состояние, чувство) — Существо (чудовище), огонь, жидкость; Предмет (бритва, камень, цветы, сарай, платье) — Существо (жало пчелы или змеи), Пространство (облако), Стихия (дождь), Снедь (конфеты), Ткань, Огонь; Время (ночь, вечер) — Пространство (бездна), Предмет-вещество (пыль, кизяк), Существо (животное, призрак, дирижер, птица, колдун), Огонь (пожар, языки пламени, огоньки), Растение (перекати-поле, тандыр-хлеб); Пространство (земля, луна, солнце, небо, поля, луга, горы, облака, тени, окно, откосы, обрывы, мир) — Существо (чудовище-айдахар, зверь, червь, корова, собеседник, предатель), Снедь, Плод (яйцо, капля масла, дыня), Ткань (шелк), Сосуд (наполненный, пустой, посудина), Стекло (осколки), Драгоценный камень (жемчуг).

Каталог парадигм образов, составленный по тексту казахского билингва, представляет собой своеобразный «словарь» языка образов.

Самое интересное, что гипотеза Н.В.Павловича относительно общности больших парадигм и идентичности на уровне малых парадигм, доказывающая действие закона, видится нам вполне жизнеспособной. Понимание художественно-поэтического языка, по-видимому, в большей мере основано на владении образным тезаурусом и соответственно — на восприятии больших и малых парадигм. Можно предположить, что большие парадигмы представляют собой языковые универсалии, общие для словесного образного искусства разных культур. Малые же парадигмы с их набором характеристик (продуктивностью, обратимостью) отражают своеобразие конкретной культуры [11; 115].

Большие парадигмы имеют сложную внутреннюю структуру, так как входящие в них малые отличаются разной степенью продуктивности — одни понятия в казахской культуре поэтизируются больше, другие — меньше. Образов о людях больше, чем о насекомых, образов о бабочках больше, чем о пауках. Из всех «органов» больше всего образов о глазах, об устах не встретили вообще. Из всех календарных периодов больше всего участвует в образах осень, меньше — лето. Что же касается «времени суток», то — и в русской поэзии, и в современной казахской прозе — на первом месте ночь. Время и пространство поэтизируются больше, чем судьба.

Список больших и малых парадигм — это и есть инструмент создания истории образного языка. В перспективе, мы полагаем, можно будет определить, какие модели образов существуют в русском тексте инонациональных авторов, сравнить с русской словесной культурой.

Прозе А.Жаксылыкова свойственны глубина и многозначность слова, богатство его коннотативных смыслов и оттенков, игра текста и подтекста. Национальная традиция сказывается в своеобразном решении характеров, в использовании сюжетных ходов и ситуаций, в создании, с одной стороны, знакомых русскому читателю, с другой — специфических образов. Текст творческой билингвальной личности, в котором выражается национальный образ первичной культуры на языке культуры приобретенной, «заключает в себе внутреннюю экзистенцию народа, доступную восприятию и пониманию читателя (русскоязычного), к которому обращено произведение» [1; 118].

В то же время следует заметить, что художественный текст, обусловленный билингвальным творческим сознанием, до сих пор остается одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов.

Образ же «формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями <...> интуицией. Он как бы сам по себе складывается в сознании человека <...> Это в большей мере механизмы стихийного, произвольного исследования мира и жизни» [12; 318]. Нельзя не согласиться с Н.Д.Арутюновой, которая убеждена, что «для образов характерно самозарождение и самопроизвольное развитие». В этом мы видим синергетический феномен билингвальной творческой личности. С мировоззренческой точки зрения такое явление можно позиционировать как «глобальный эволюционизм», поскольку такое явление характерно не только для Казахстана, для многих братских республик бывшего Союза.

Список литературы

- 1 *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). — Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. — 259 с.
- 2 *Кедрина З.С.* На языке дружбы. — М.: Сов. писатель, 1984. — 265 с.
- 3 *Евсеева О.В.* Отражение национально-культурной специфики языкового сознания в моделях ассоциирования (на примере глаголов эмоций английского, французского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2008. — 194 с.
- 4 *Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 24–33.
- 5 *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. — Halle, 1989. — S. 279–282.
- 6 *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 207–220.
- 7 *Ушакова Т.Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 13–24.
- 8 *Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 39–54.
- 9 *Жаксылыков А.* Сны океанных. — Алматы: Изд-во «Эверо», 2005. — 480 с.
- 10 *Момыш-улы Бахытжан.* Сновидения чистилища: Предисловие // Жаксылыков А. Сны океанных. Трилогия. — Алматы: Изд-во «Эверо», 2005. — С. 3–11.
- 11 *Павлович Н.В.* Язык образов. — М.: Азбуковник, 2004. — 527 с.
- 12 *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.

Ж.Т.Ермекова

Қостілді тұлғаның санасында бейнелер қалыптастырудың синергетикалық феномені

Мақала қостілді тұлғаның санасында бейнелер қалыптастыру мәселесіне арналған. Бейне қабылдау, есте сақтау, қиялдау, жинақталған әсер интуиция арқылы қалыптасады. Қостілді сананың синергетикалық табиғаты туралы гипотеза ұсынылған. Көпмәдениетті қатынасқа негізделген тілдік ортада қостілді тұлға — Қазақстан мәдениеті даму деңгейінің жоғары көрсеткішінің интеллектуалды өнімі. Түрлі мәдениеттерде көркем-поэтикалық бейнелердің үлкен парадигмалар ұқсастығы мен кіші парадигмалар ерекшеліктері заңының әрекет ету-етпеуін анықтауға әрекет жасалған.

The article is devoted to the issue of images formation in the consciousness of a bilingual person. The image is formed by perception, memory, the imagination, the saved up impressions, intuition. A hypothesis of synergetic nature of language consciousness is proposed. The bilingual person in the language environment of multicultural dialogue is an intellectual product of higher level of development of culture of Kazakhstan. An attempt is made to define, whether there exists a low of unity of large paradigms and identity of small paradigms of artistic-poetic images in different cultures.